

Марина Ткаченко

ОН БЫЛ БОЛЬШОЙ И СИЛЬНЫЙ

Случайный попутчик в поезде не давал мне заснуть, будил, нервно дергал за рукав, ночью: «Я должен тебе рассказать, какой у тебя отец! Нет. ты не знаешь, послушай!» Я благодарила, поддакивала. Ну что он мог рассказать, бывший студент моего отца, такого, чего я не знала?

Теперь по прошествии многих лет, я склонна думать, что как раз меньше всего мы знаем своих близких. И если судьба награждает нас встречей с людьми, знавшими отца, я внимаю им с жадностью, ведь они возвращают в мир, где он был. Моё детство кончилось в тридцать лет, когда отца не стало.

О его долгой жизни до меня, послевоенной, знаю до обидного мало. Родился в маленьком селе Журавичи в Белоруссии. Жили бедно. Дети умирали в младенчестве, остались три сестры и единственный сын. После школы работал трактористом или его помощником, рано ушёл из дома, была бахча, арбузы – не то под Астраханью, не то под Одессой. Вернулся в Белоруссию, окончил рабфак политехнического института (рабочий факультет, аналог более современного подготовительного отделения) и сам институт. Учился легко. Сессию сдавал за один – два дня. Кроме «отлично» в зачетке за пять лет учёбы была одна «четверка». «Диплом – это почти готовая диссертация», - сказали ему на защите и предложили аспирантуру. К этому времени он уже был женат. Молодая семья состояла из жены Любы, её братьев и крошечной дочки. Им дали квартиру в институтском доме рядом с парком, в котором катались на лыжах. 22 июня 1941 года, оставив годовалую дочку на дядю, молодые пошли в театр на премьеру «На дне» по Горькому. Спектакль прервали: «Война!» Когда бежали домой, Минск уже бомбили. На следующий день со старшим маминым братом пошли в военкомат, чтобы узнать, когда призовут офицеров запаса. Домой вернулись через пять лет.

Сохранилась единственная довоенная фотография отца – молодого, кудрявого – с мамой, прислонившейся к его щеке. Про войну отец вспоминать не любил. Кое- что начал рассказывать, когда подросли внуки. Как въехали на трофейной машине в колонну эсесовцев, чудом проскочили,

посмотрели друг на друга – седые. Как в разгар боя под Сталинградом собирал немецкие бензобаки с топливом, думая об обеспечении полка. Как штурмовали Будапешт, потеряв половину личного состава. Медаль «За взятие Будапешта» была особенно дорога, он вытирал слёзы, когда звучала песня «В боях за город Будапешт»

За время войны мама с отцом свиделись один раз: часть переформировывали перед отправкой в Сталинград, и мама, оказавшаяся в эвакуации неподалеку, шла двадцать километров ночью по лесу, чтобы полчаса, если успеет, постоять рядом на платформе. Успела. О том, что отец причастен к обороне Ленинграда, узнала случайно: у театральной кассы на Невском проспекте, когда отцу отказали в билетах на «Любимого Райкина». Он тихо произнес: «Четыре месяца из болот не вылезали, там места хватало, а теперь...»Безадресную реплику кассирша услышала, билеты нашлись мгновенно.

Мама эвакуировалась из горящего Минска в спешке, схватив чугунную сковородку, детские вещи и всю войну, как зеницу ока, берегла главную ценность – ключ от квартиры. Когда вернулись в Минск, не то, что квартиры, дома, где начинали самостоятельную жизнь, не было – пепелище.

Чудом сохранились военные письма – пять лет разлуки, боли, надежды.

«Сейчас восемь вечера. Пишу в блиндаже командира части. От натоленной печки жарко, как в бане. На дворе небольшой мороз, но не холодно. Сейчас тихо. Светит луна, и сосновый лес напоминает мне минский парк, который был возле института. Хорошо было в такой вечер ходить на лыжах по парку! Как недавно всё это было! Сейчас наши батареи посылают фашистам вечерние подарки, а пулеметы выстукивают дробь свою».3. 12. 1941г.

«В ночь с восьмого на девятое мая после известия о капитуляции Германии друзья мои прямо с постели давай качать, по огромному возбуждению я понял, что свершилось великое! Конечно, выпили, и всю ночь так и бродили, как лунатики, от батареи к батарее, а утром разукрасили машины и орудия сиренью и красными флагами. Как только смогу – приеду»,12 мая 1945г,Австрия.

На Урале мы оказались по воле случая: открывающимся политехническим институтам нужны были преподаватели. Отцу по окончании прерванной войной аспирантуры предложили на выбор: Пермь, Свердловск, Челябинск. Он увидел на карте слова «Южный Урал» и решил, что «южный» - значит, тепло. В те времена морозы в Челябинске доходили до 45 градусов Семьи «открывателей» политехнического института поселили в бараке. Жизнь в бараке я не помню: привезли завернутой полуторогодовалой в одеяло.

Мой папа – это высокий сильный человек в кожаном пальто, с которым я ходила на демонстрации, который встречал меня, первоклашку из школы и кормил молоком с хлебом, называя еду «тюрей», который привозил нам с мамой, отдохавшим на озерах, сумки с провизией, который в ответ на мою юношескую шутку – написала с отдыха, что у меня теперь есть Яша – отозвался серьезно: «Если он человек достойный, привози познакомиться», - а Яша был игрушечной обезьянкой. Который стал для моего сына дедом – отцом: четырехлетний ребенок, закрыв глаза, преданно дожидался его с вечерних лекций, чтобы, услышавшим открывающейся двери, крикнуть: «Деда, я не сплю!»

Его прочили в « большую « науку, но после войны что- то сдвинулось в системе ценностей. Тянуло к живым людям, а не к лабораторным экспериментам. Мы росли под постоянный телефонный звон: всем требовался папа. По должности он много лет был деканом вечернего отделения автотракторного факультета, по сути – устроителем чужих дел и судеб. Когда сын давних приятелей предал девушку, папа порвал отношения с родителями. Но смог понять друга, не устоявшего перед любовью к молодой женщине и оставившего семью. «Это любовь, - сказал он недоумевающей маме. – Ничего не поделаешь».

Студентки приносили на экзамен цветы, он раздаривал их девушкам за «Хорошие знания». «Главное, чем он отличался, - сказал мне много лет спустя один из его учеников, - неординарностью мышления». Один раз я напросилась на его лекцию. Что –то по термодинамике. За два часа ни разу не заглянул в конспект. Формулы пританцовывали на доске, точно воспроизводили друг друга. Экзамены принимал строго. «Папа, - спрашивала не раз, - и зачем тебе это надо? Ставил бы меньше двоек, не надо было бы бесконечно принимать пересдачи». «Нет, - отвечал он, - так нельзя, знания

достойны уважения». Сохранилось письмо мне, семнадцатилетней: «Кратко скажу, что главное для человека, чтобы нашел себя, чтобы труд был для него радостью – тогда и только тогда человек достигает соответствующей высоты».

Слабым, растерянным, усталым мы его не видели. Однажды подхватил грипп, вечером температура сорок, наутро, вытирая пот со лба, ушёл в институт: «Пустяки!» На жуткие боли в спине не жаловался, работал, пока в прямом смысле мог стоять на ногах. Несколько лет, когда папы уже не было в живых, ему приходили открытки из городского совета ветеранов войны, приглашавшие на празднование юбилеев. «Позвони им, что ли, - сказала мама. – Объясни, что прийти не может». Он был настолько живой, что никому не верилось, что его нет. У нас подрастает внук. Сын назвал его Гришей, хотя он совсем не похож на человека, чьё имя носит. Своего прадеда он называет дедом и уверенно находит на всех фотографиях.

«Вечерний Челябинск», 18 марта 1997 года